

Совет Безопасности

Distr.: General
14 July 2017

Original: Russian

Письмо Временного Поверенного в делах Постоянного представительства Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 5 июля 2017 года на имя Генерального секретаря и Председателя Совета Безопасности

Настоящим имею честь препроводить материал о российских оценках состояния дел вокруг расследования инцидента в Хан-Шейхуне (4 апреля 2017 года) и соответствующего доклада Миссии Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов применения химического оружия в Сирии (см. приложение).

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Совета Безопасности.

(Подпись) П. Ильчев
Исполняющий обязанности
Постоянного представителя

**Приложение к письму Временного Поверенного в делах
Постоянного представительства Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций от 5 июля 2017 года
на имя Генерального секретаря и Председателя Совета
Безопасности**

**О российских оценках состояния дел вокруг расследования
инцидента в Хан-Шейхуне (4 апреля 2017 года)
и соответствующего доклада Миссии Организации
по запрещению химического оружия по установлению
фактов применения химического оружия в Сирии**

Российская Федерация безоговорочно осуждает применение химического оружия кем бы то ни было и где бы то ни было. Убеждены, что виновные в таких преступлениях должны быть установлены и понести заслуженное наказание. С этой целью, собственно, и создавались Миссия Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов применения химического оружия в Сирии и Совместный механизм по расследованию ОЗХО — Организации Объединенных Наций. Первая структура призвана определить с фактологической и научно-технической точек зрения, использовались ли токсичные химические вещества и, если да, то дать ответ, какие и каким образом, вторая — для выявления организаторов и исполнителей таких преступлений.

Здесь мы видим целый ряд проблем, причем самых серьезных. О наличии таковых свидетельствует, в частности, весьма неприглядная картина с расследованием резонансного химинцидента 4 апреля сего года в населенном пункте Хан-Шейхун провинции Идлиб, послужившего предлогом для нанесения Соединенными Штатами Америки ракетного удара по сирийской авиабазе «Шайрат» в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и общепризнанных норм международного права. Ниже следует ряд выводов, к которым мы пришли по прошествии трех месяцев после этого инцидента.

Во-первых. Эксперты ОЗХО и Совместного механизма по расследованию так и не посетили ни Хан-Шейхун, ни авиабазу «Шайрат». Невозможность выезда инспекторов Миссии ОЗХО по установлению фактов в Хан-Шейхун руководство Технического секретариата ОЗХО обосновывает неблагоприятными условиями в сфере безопасности. В отношении посещения авиабазы «Шайрат» в Гааге полагают, что это выходит за рамки компетенции Миссии. Здесь, видимо, уместно лишний раз напомнить о пункте 12 круга ведения Миссии ОЗХО по установлению фактов, в котором прописано: «The OPCW team shall have the right of access to any and all areas which could be affected by the alleged use of toxic chemical. For such access, the OPCW team shall consult with the government». Применительно к «Шайрату» мы имеем именно такой случай, тем более что эта авиабаза, как показывают непрекращающиеся инсинуации ряда государств — участников Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, якобы имеет прямое отношение к применению химического оружия в Сирии.

Новое руководство Совместного механизма по расследованию, в свою очередь, считает, что только после выхода окончательного доклада Миссии ОЗХО по установлению фактов можно будет планировать собственные действия в отношении Хан-Шейхуна и «Шайрата». Однако еще до появления этого документа «на свет» дало понять, что выезжать на место химатаки при нынешнем развитии науки и технологий, оказывается, вовсе не обязательно. Что же

тогда делать с пунктом 6 постановляющей части резолюции 2319 (2016) Совета Безопасности, в котором Совместному механизму по расследованию прямо предписано предлагать ОЗХО свои услуги в установлении тех самых фактов применения химического оружия? Как быть с пунктами 3 и 4 учредившей сам Механизм резолюции 2235 (2015) Совета Безопасности, в которых зафиксировано требование установить, кто несет ответственность за накопление и хранение химического оружия? А как поступить с пунктом 7 этой же резолюции, где четко прописана необходимость предоставления полного доступа во все пункты, имеющие отношение к расследованию? Такой доступ, по крайней мере на «Шайрат», гарантировал Дамаск, пригласивший и Миссию ОЗХО по установлению фактов, и Совместный механизм по расследованию посетить этот объект сразу после трагических событий в Хан-Шейхуне.

Во-вторых. Вскоре после инцидента удивительным образом появились результаты расследований с вполне предсказуемыми безапелляционными выводами о виновности Дамаска, проведенных Турцией, Великобританией и Францией, что само по себе вызвало массу вопросов. Так, членов Исполнительного совета ОЗХО проинформировали о проведенных турецкими медиками вскрытиях с отбором биохимических проб, подтвердивших гибель трех человек от зарина. При этом нет ясности, в какой лаборатории проводились анализы, сертифицирована ли она ОЗХО, соблюдалась ли последовательность шагов при сборе доказательств («chain of custody»), в частности при доставке кем-то погибших с места химинцидента.

Хотелось бы также знать, при каких обстоятельствах уже французские специалисты получили пробы, отобранные, как утверждается, непосредственно на месте происшествия. Если представители французских спецслужб отбирали их сами, то получается, что они имеют свободный доступ в район, контролируемый, как говорится в самом французском докладе, связанными с «Аль-Каидой» вооруженными группировками сирийской оппозиции. Тогда эксперты Миссии ОЗХО по установлению фактов могли бы провести с ними подробное интервью и запросить дополнительную уточняющую информацию, как это было с российскими военнослужащими войск радиационной, химической и биологической защиты при расследовании химического инцидента в населенном пункте Марат-ум-Хош.

Если же образцы были получены в каком-то ином месте, например, на территории соседней с Сирией страны, то Парижу следовало бы сразу оговориться — изучались пробы предположительно с места инцидента. Следовательно, ни о каких конкретных и выверенных выводах, тем более обвинительных в чей-то адрес, не может идти речи. Хотелось бы также получить копии этих докладов, как турецкого, так и французского с британским, для их предметного изучения специалистами других государств — участников Конвенции по химическому оружию.

В-третьих. Почему эти три государства — участника Конвенции по химическому оружию, умудрившиеся получить свидетельства якобы «очередного преступления режима Б. Асада» с места химического инцидента, не использовали очевидно имеющиеся у них возможности для обеспечения доступа в Хан-Шейхун экспертов Миссии ОЗХО по установлению фактов? И это на фоне того, что сирийские власти не только настоятельно приглашали Миссию ОЗХО по установлению фактов на авиабазу «Шайрат», но и были готовы предоставить ее специалистам гарантии полной безопасности по пути следования из Дамаска в Хан-Шейхун вплоть до крайней границы контролируемых правительственными войсками территорий в провинции Идлиб. Ведь оказание такого содействия Миссии ОЗХО по установлению фактов оппозиционными группировками и имеющими на них влияние странами-членами Организации Объ-

единенных Наций предусмотрено резолюциями 2118 (2013) (пункт 7 постановляющей части), 2209 (2015) (пункт 6 постановляющей части) и 2235 (2015) (пункты 4 и 7 постановляющей части) Совета Безопасности. Как понимать такое бездействие вкпе с неиссякаемым стремлением безоговорочно обвинять в любых проявлениях и рецидивах «химического» терроризма в Сирии законно избранные власти этой страны?

Теперь, собственно, о докладе Миссии ОЗХО по установлению фактов по Хан-Шейхуну. Не вдаваясь в его весьма «туманные» технические подробности, к сожалению, приходится констатировать, что этот документ по стилистике, как, впрочем, и предыдущие доклады Миссии ОЗХО по установлению фактов по хлорным инцидентам, носит весьма тенденциозный характер. По его прочтении у несведущего читателя может возникнуть лишь одно ощущение — виновником химатаки в Хан-Шейхуне является Дамаск. Чего в этой связи стоит лишь подробно расписанная со слов неких многочисленных свидетелей и пострадавших картина происходивших 4 апреля сего года в Хан-Шейхуне событий — на фоне объявления воздушной тревоги, «рева» сирийских самолетов, «хлопков» и взрывов авиационных боеприпасов, предпринимавшихся усилий по спасению пострадавших, в том числе в медучреждениях соседней страны. А затем в докладе буквально рефреном упоминаются показания двух свидетелей, представленных не оппозицией и «сочувствующими» ей одиозными неправительственными организациями (НПО) типа «Белых касок», а сирийскими властями. При этом вовсе не случайно, а, видимо, целенаправленно, подчеркивается, что показания последних, говорящие в пользу версии о провокации боевиков и их зарубежных покровителей, явно расходятся между собой. А не в этих ли свидетельствах, выбивающихся из общей и явно срежиссированной оппозицией и «сочувствующими» ей НПО картины, и следует искать истину применительно к произошедшему? Может быть, прежде всего, нужно разобраться с «риэлторами» от вооруженной оппозиции, арендовавшими здание под хранение токсичных химикатов, и машинами «скорой помощи» из соседней страны, вывозивших, возможно по сценарию, с места химической атаки пострадавших? Словом, вопрос на вопрос, а заслуживающих доверия ответов у Миссии ОЗХО по установлению фактов нет. При таком положении дел итоговая констатация, видимо, как и в случаях с уже ранее «доказанными» Миссией ОЗХО по установлению фактов и Совместным механизмом по расследованию эпизодами якобы применения «рокошущими» в ночном небе на большой высоте сирийскими вертолетами «бочек» с хлором, одна — очередное «злодеяние» Дамаска.

Весьма симптоматична в данном контексте «оперативная» — 29 апреля сего года — реакция на выход доклада Миссии ОЗХО по установлению фактов по Хан-Шейхуну Государственного департамента Соединенных Штатов Америки, которому по сути не нужно и расследование этого дела Совместным механизмом по расследованию, поскольку виновные в лице сирийских властей уже «назначены».

Вызывает удивление также неоднократно повторяющаяся в докладе Миссии ОЗХО по установлению фактов по Хан-Шейхуну неоднозначная интерпретация ее экспертами одного из основных требований Конвенции по химическому оружию по обеспечению последовательности действий при сборе доказательств и материальных свидетельств с места химического инцидента («chain of custody»). С одной стороны, констатируется, что за отсутствием возможности посетить Хан-Шейхун соблюсти эти основополагающие процедуры в полном объеме не представилось возможным (п. 3.46), а с другой, утверждается, что представленные оппозицией и НПО вместе с вещественными доказательствами фото- и видеоматериалы дают основания «быть достаточно уве-

ренными» в соблюдении установленной последовательности действий до их передачи специалистам Миссии ОЗХО по установлению фактов (п. 3.66). Причем в пункте 3.9 открыто признается, что экспертиза достоверности данных, предоставленных на электронных носителях, не проводилась. То есть все то, что в изобилии было передано Миссии ОЗХО по установлению фактов оппозицией и НПО, не подвергалось строгой проверке в привязке к местности, месту и времени съемки или оформления, а также с точки зрения аутентичности подписей и печатей, вероятности постановочного характера съемок и т.д. Это же можно сказать и в отношении «инноваций» доклада на тему орнитологии, фауны и флоры, а именно: кто и как может доказать, что «ареалом обитания и произрастания» представленных Миссии ОЗХО по установлению фактов останков птиц и парнокопытных, а также листовы с зеленых насаждений, подвергшихся воздействию зарина, является именно населенный пункт Хан-Шейхун и его окрестности, а не другие районы Сирии. Ответ предсказуем: все те же источники всего вышеупомянутого массива информации и свидетельств, которые, как отмечено в пункте 4.5, были Миссией ОЗХО по установлению фактов уже апробированы в случаях с более ранними «хлорными» эпизодами. Иными словами, в понимании экспертов ОЗХО, уже «проверенными».

Что мы видим в итоге? Продолжена порочная практика проведения дистанционных расследований из уже «насиженных» курортных мест в соседней с Сирией стране, что, собственно, и позволило экспертам Миссии столь оперативно прореагировать на трагедию в Хан-Шейхуне посредством присутствия при аутопсии погибших и взятии анализов у доставленных туда пострадавших. Не нужно было даже никуда ехать и за другими материалами, которые централизованно доставлялись экспертам Миссии ОЗХО по установлению фактов буквально «на дом» базирующимися в провинции Идлиб и в той же соседней стране вооруженными оппозиционерами и НПО.

Такой алгоритм действий, видимо, вполне устраивает Технический секретариат ОЗХО и уже давно отработан одним из сегментов Миссии ОЗХО по установлению фактов при расследовании более ранних так называемых «хлорных» эпизодов. Два же посещения Дамаска другим сегментом в конечном итоге послужили предлогом для руководства ОЗХО вообще отказаться от идеи направления на место химического инцидента экспертов Организации — зачем это, мол, делать, если даже полученные сирийскими военными с места химического инцидента и переданные ими в Гаагу пробы показали наличие зарина. Все остальное, дескать, дело Совместного механизма по расследованию.

При этом, однако, ни у кого нет уверенности в том, соберутся ли когда-нибудь эксперты Совместного механизма по расследованию в Хан-Шейхун и на авиабазу «Шайрат», чтобы установить, как же в действительности был применен в провинции Идлиб зарин, а именно была ли это, по версии пресловутых «друзей Сирии», бомбардировка или в очередной раз — масштабная провокация боевиков по аналогии с Восточной Гутой или другими безосновательно вменяемыми Дамаску эпизодами применения химического оружия.

В порядке резюме. После предварительного ознакомления с докладом Миссии ОЗХО по установлению фактов по Хан-Шейхуну ясно одно: там действительно был применен зарин или подобное ему по химическому составу вещество. Это подтверждается и анализом проб, полученных с места химического инцидента сирийскими властями. Однако остается открытым главный вопрос — кто, при каких обстоятельствах и каким образом его применил. Без посещения Хан-Шейхуна экспертами Миссии ОЗХО по установлению фактов и Совместного механизма по расследованию, даже после того, как исполнители и организаторы этой ужасающей провокации многое там уже «зачистили» и «подтасовали», истину установить будет невозможно. Императивом по-

прежнему является и инспекция на авиабазу «Шайрат», поскольку этот объект, на котором якобы хранился примененный в Идлибе зарин, по-прежнему не дает покоя некоторым государствам — участникам Конвенции по химическому оружию.

Пройдет время, и реальные обстоятельства этого преступления так или иначе раскроются, однако за этот период, как и в случае с Ираком, могут произойти тяжелейшие события в контексте общей ситуации на Ближнем Востоке. Предостаточно желающих использовать непрекращающиеся в этом регионе рецидивы и проявления «химического» терроризма в своих конъюнктурных военно-политических целях. Такого апокалиптического для региона развития событий мировому сообществу допустить нельзя. Этот новый феномен в деятельности многочисленных террористических и экстремистских структур, который «расцвел» в Сирии и Ираке благодаря «двойным стандартам» и безответственности некоторых геополитических «игроков», может выйти за пределы ближневосточного региона, и многие, включая тех же «игроков», столкнутся с ним уже на собственной территории.

Что касается наших оценок фактологических и технических составляющих доклада Миссии ОЗХО по установлению фактов по Хан-Шейхуну, то будем готовы поделиться ими с Техническим секретариатом ОЗХО, Совместным механизмом по расследованию и Советом Безопасности после детального изучения этого документа на экспертном уровне российскими заинтересованными ведомствами.
